

блещет темень как слюда
прилетай мой ангел бывший
поиграем в города
в тёмной башенке мансарды
грохот капель вразной
на столе раскинем карты
за стаканчиком массандры
помолчим вдвоём с тобой
в этом стареньком спектакле
то ли вместе то ли врозь
ты сегодня просто гость
по стеклу сползают капли
всё ли так ли всё ли так ли
зря поставил на пентакли
не сложилось не срослось

3.

Не плети свою тайную весть,
паутиновый шива:
всё, что было нащёптано здесь, —
нереально, фальшиво:
и сарай, и колодец кривой,
крыша с башенкой вдовьей.
С узелком на плече домовой
покидает гнездовье.
Но рассеянный луч, трепеща,
всё блуждает, цепляясь
за увядшие листья плюща,
за бесплотную завязь.
Чья-то жизнь, что уже утекла,
всё морочит, всё длится —
сквозь осколки цветного стекла
по гнилым половицам
вдруг метнётся оранжевый свет,
вспышкой выхватит фото —
пожелтевший немой силуэт
так знаком отчего-то.

Вот безвременья петля,
дача Аннандревны.
Комаровская земля,
тот же воздух древний.

Почитай, полсотни лет всё
осталось прежним —
предвечерний длинный свет,
ветхие скворешни.
Что её пережило, то и нас —
тем паче.
Ветки тычутся в стекло
потемневшей дачи.
Ржавый след от гамака
на стволе древесном
уплывает в облака над сосновым
лесом.
То ли сетка, то ли шаль,
то ли млечная скрижаль —
плавно вправо, плавно влево...
Спи спокойно, королева,
ничего уже не жаль.

Серебряные гвоздики дождя
вколачивает август в гробик лета.
Кончатся под утро сигареты,
и злишься, в эту сырость
выходя.

А зонтик — сломан. И, почти
бегом, —
на волглый огонёк ларька
в тумане,
где, если повезёт, дежурит Аня —
твой слабый шанс разжиться
коньяком.

Но за прилавком сладко спит
Айгюль.
Ей снится мама, дыни, абрикосы,
ленивые разморенные осы
и азиатский солнечный июль...

Возьмёшь тихонько с полки
пачку «Вог»,
Стараясь не звенеть, положишь
деньги.

А дождь прошёл. На мокрые
ступеньки
легла луна. И ты один, как бог.

Дым сигареты, призрачный
ивняк,
седые сосны — всё твоё до завтра.
В тиши охрипший рокот
динозавра
разносит эхом дальний товарняк.

Весь мир, как храм, —
волшебен, незнаком.
Идёшь, не чуя ног, луной
облитый.
И счастье есть, чего там
ни мели ты.
И спит Айгюль. И бог с ним,
с коньяком.

ПОЭТ И ЯБЛОКИ

(осеннее, почти несерьёзное)

Он у окна сидит, небритый,
подперши щёки кулаками.
А яблоки летят с орбиты,
блистая лунными боками.
Треща от спелости, наливы
о землю стучаются глухо.
А он — на даче, несчастливый,
и жизнь ему скучна, как муха,
жужжащая в проёме окон
за старой тюлевой гардиной.
Тоска, свивая серый кокон,
ворочается за грудиной:
кому — венец лауреата,
земная слава, Ницца, Варна,
а он вот жертва плагиата,
интриг и сплетен кулуарных.
Стихов его не оценили,
и быт накрыл разбитой лодкой...

На кухне в облачке ванили
жена щебечет над шарлоткой.

Он подышать выходит в сени
и там стоит, забытый Богом,
как яблоко с подгнившим боком
в траве осенней.

ЭТЮД С НАТУРЫ

Брусничный закат перечёркнут
сосновыми ветками.
Вскричит электричка —
и стихнет в вечерней дали.
Опавшею хвоей усыпаны
домики ветхие —
уютное гетто певцов комаровской
земли.

У дважды ахматовской будки
скворчанье шашлычное,
бежит за гитарой Виталик —
солист пикников.
Но дело писателя —
строго интимное, личное,
а значит, за стенкой ворчит
недовольный Попов:

«Пропала работа —
опять эти вечные оргии,
четвёртая пьянка в сезоне,
соседи в пике!»
Но Юля стучится: «Да ладно,
Валерий Георгиевич!»
И стопочка водки призывно
мерцает в руке.

Вздыхнёт предводитель, махнёт
и закружится с паствою.
К утру самовар запыхтит
на сосновой коре...
Когда ж они пишут?
Но — пишут, тут я не лукавствую.
И — тсс! — по секрету:
не хуже, чем Найман и Рейн.

Дачи притихли.

Хрипло рокошет гром,
женщины спешно срывают
бельё с верёвок.

Снова Илья в поднебесье
гремит ведром
и поливает божьих своих
коровок.

Мы и не ропщем. Что нам
осталось тут —
лето уже украдкой пакует вещи.
Разве ещё бегонии поцветут,
разве что яблоки в мокрых
ветвях поблещут.

Разве друзья — да хватит им
куражу! —
в струи потопа геройски
нырнут с разбега
и приплывут на жёлтый
мой абажур —
углый фонарик, маяк на носу
ковчеха.

УЖИН НА ТРАВЕ

Скатилось солнце с Колокольной
горки,
алеют сосны в медленном огне.
Мы, сгрудившись в траве
вокруг скатёрки,
как воробышки в солнечном
пятне,

чирикаем, восторженно щебечем,
клюём закуску, песенки поём.
Но тень уже нас трогает
за плечи —
бессмертных нас в неведеньи
своём.

Глядишь, и залюбуется
Всевышний,
и в сердце надвигающейся тьмы
оставит свет, а в нём —
коньяк и вишни,
и маленькие солнечные мы.

ОСЕННЕЕ, ДАЧНОЕ

Небо серой затянуто ватой —
Бог жилище своё утеплит.
Тишина. Только яблоки падают,
будто тукает сердце земли.

Сладко мне — между прошлым
и будущим,
с привиденьями накоротке, —
шебуршиться в дому
обезлюдовшем
позабытым жуком в коробке.

И в награду мне, дуре
и бражнице,
не приемлющей осень в расчёт,
солнце яблочным боком
покажется —
словно что-то возможно ещё.